

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Театр жизни Ильи Рудяка

До встречи в Чикаго мы не были знакомы: он эмигрировал из Одессы много раньше, чем я приехала сюда: 35 лет назад. И вот наше знакомство этой осенью. Высокие ели на Сандерс-роуд скрывали красивый двухэтажный дом, у входа в который меня ждал... очень пожилой человек в академической ермолке, с длинными, до плеч, белоснежными волосами и такой же длинной седой бородой.

Илья Рудяк. Писатель, режиссер, сценарист, книжник, коллекционер.

Старшему поколению одесситов наверняка известно это имя. Но они вряд ли узнали бы в этом старце своего друга, коллегу и учителя.

Илья Рудяк преподавал основы режиссуры и актерского мастерства в Одесском культурно-просветительском училище. Обучал мастерству актера в Студии киноактера при Одесской киностудии, из которой вышли Лариса Удовиченко, Юрий Стоянов, Георгий Богачев, Олег Школьник... Был ее худруком девять лет, с 1969 по 1978 год. Ставил спектакли, работая как актер, режиссер и сценарист, снимал документальные и короткометражные фильмы, которые были отмечены дипломами и премиями. Помнит их кто-то теперь?..

В училище он ставил Хемингуэя и Гашека, впервые в Одессе поставил "Конармию" Исаака Бабеля, писал пьесы — об Эдуарде Багрицком, о судьбе автора песни "Амурские волны" композитора Макса Кюссе, о Соломоне Михоэлсе — и делал по ним спектакли.

А в 1981 году Илья Рудяк эмигрировал с семьей в США. Но и там не потерялся. Открыл сначала книжный магазин, потом создал Дом русской книги, который стал центром досуга для русскоязычного Чикаго, открыл при нем художественную галерею. Но в последние лет 8 — 10 вести о нем перестали доходить в Одессу.

Сказать, что Илья Эзрович был обрадован моему звонку — не сказать ничего. Он воспринял меня как частицу родной для него Одессы, которую неожиданным образом к нему занесло. И вот мы уже сидим в его огромной гостиной, которая больше напоминает музейный зал. Стены увешаны картинами, а на длинном столе уложены стопками книги, фотографии и рукописи. Мне интересно все, что рассказывает этот человек, и разговор наш плавно скользит, не укладываясь в последовательные вопросы-ответы.

— Мне 77, две кочерги, а дальше — не видать ни зги,

— смеется Илья Эзрович, выдавая экспромт. Автор многочисленных остроумных стихотворных миниатюр и в сложной жизненной ситуации остается верен себе и объясняет:

— Я роковой человек, в смысле раковый, однажды уже одержал победу в борьбе с онкозаболеванием, сейчас сражаюсь со вторым раком. У меня очень плохо со зрением из-за сахарного диабета: читаю с помощью лупы только самые нужные книги, которые еще не прочитал. Вот "Библию". Я даже начал писать "Похвалу глазам". Это будет эссе, калейдоскоп воспоминаний о том, что мне было дорого, первое, что я увидел и запомнил: лицо мамы, речку, траву, деревья...

Он родился в Винницкой области, в еврейском местечке под названием Джуриин. К Джуриину и относятся самые ранние его воспоминания. Илья провел там детские годы, страшные годы. Они были страшными и задолго до его рождения.

В Джуриине в 1918 году петлюровцы убили деда Ильи — Кисиила Срульзона. Забили шомполами. Бабушка осталась с 13 детьми на руках. Мама Ильи была младшей. Сама бабушка погибла там же, но много позже, от первой бомбы, которую фашисты сбросили на местечко, она в этот момент пила чай на крыльце.

К началу войны многие жители Джуриина смогли эвакуироваться, остались примерно 900 человек. Среди них — семья маленького Ильи. Отца не забрали на фронт из-за инвалидности: у него не было трех пальцев на руке. Оставшись без дома, все большое семейство ютилось у родственников, когда пришли оккупанты. Массовых расстрелов тут не было: по замыслу фашистов, Джуриин, находившийся по другую сторону Южного Буга, должен был войти в состав Транснистрии, и сюда согнали румынских и бессарабских евреев. Но жизнь была страшной. Маленького Илью держали взаперти три года, вплоть до освобождения местечка.

"Мое гетто окончилось, когда мне исполнилось 5 лет", — констатирует Илья Эзрович. Этот период своей жизни он описал в книгах "Гете в гетто" и "Прощание с местечком". Иллюстрации к книгам послужили фотографии, которые он делал, когда приезжал с фотоаппаратом в Джуриин и фотографировал то, что уцелело, верней, еще окончательно не

разрушилось — покосившиеся домики, заброшенное еврейское кладбище...

В 15 лет, окончив школу, он навсегда покинул эти места и приехал в Одессу:

— Я мечтал жить в Одессе, мечтал стать режиссером. Здесь я мог ходить по улицам, по которым до меня ходили Бабель, Багрицкий, Ильф, Петров, Олеша. И моя мечта сбылась.

Но театрального института в Одессе как не было, так нет. Режиссерский факультет нашелся в культурно-просветительском училище, в которое он поступил в 1957 году. Его преподавателем был Наум Юрьевич Орлов, параллельно работавший режиссером в Украинском театре. Илья был счастлив, окупившись в театральную жизнь Одессы. Но, решив не останавли-

Уезжать Илья Эзрович никогда не хотел — даже когда в конце семидесятых в Америку уехали родители его жены Ольги и они с семьей переехали в их просторную квартиру в Авчинниковском переулке. Но вокруг стали кружить сотрудники КГБ. С отъездом родственников в США семья Рудяка стала считаться неблагонадежной. И после нескольких вызовов в серое здание на Бебеля Илья Эзрович понял, что надо уезжать. На студии, как только узнали, что Рудяк подал документы в ОВИР, его поспешили уволить. Директор киностудии в то время был в отпуске, и предложение написать заявление об уходе по собственному желанию ему сделала милейшая секретарша. Уволили. И три года не выпускали из Союза. Жить было не на что. Бывшие кол-

торой участвовали видные писатели: Владимир Войнович, Мария Розанова, Андрей Синявский... После этой конференции несколько лет Рудяк читал лекции в разных университетах. А еще были литературные программы на русскоязычном радио, детская театральная студия.

Но страстному книжнику Рудяку хотелось создать свой книжный Дом. Начало ему положила большая стопка книг. Ее он скупил за пятьсот долларов, полученных в качестве гонорара за последнюю лекцию, в книжном отделе одного магазина, объявившего о своем закрытии. Илья Эзрович привез книги домой, стал их разбирать и обнаружил среди них настоящие шедевры, букинистические редкости, перевезенные кем-то за океан, эмигрантские издания. Его мечта стала воплощаться в жизнь. Он нашел помещение в центре города. Денег платить за аренду не было, но он договорился об отсрочке в три месяца, столько он отвел себе, чтобы вникнуть во все тонкости книготоргового процесса, а начнет платить, как только торговля пойдет. Ему поверили, согласившись ждать три месяца. За этот срок он раздобыл с продавцами, из досок, которые подарил сосед-конецод, сделал книжные полки, и дело стало спориться. От покупателей не было отбоя.

А вскоре на базе магазина открылся Дом русской книги, быстро обретший популярность. Такую же популярность на восточном побережье США обрел и его владелец Илья Рудяк.

И. Рудяк:

— Я не зарабатывал больших денег, но торговля шла. К примеру, если я продавал книгу на пять тысяч долларов, половина этой суммы шла на закупку новой литературы. Но для меня Дом стал театром жизни. Сюда стекалась вся культурная русскоязычная элита. Каждый, кто приезжал в Америку, в Чикаго: актеры, писатели, поэты, художники — непременно навещался сюда. Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Евгений Евтушенко, Наум Коржавин, Иннокентий Смоктуновский, Зиновий Гердт, Валентин Гафт, Фазиль Искандер, Виктория Токарева, Олег Меньшиков, Марк Розовский, Игорь Губерман были частыми гостями в Доме русской книги и в моем доме.

В 2001 году, взяв в аренду соседнее помещение, Рудяк открыл при Доме русской книги художественную галерею, делал выставки. Но жизнь неумолимо вносила свои коррективы. В 1999 году Илья Эзрович заболел в первый раз. Недуг был серьезным, он справился с ним, пусть и не сразу. Вернулся к любимому делу. Но все больше времени стало уходить на здоровье, все меньше — на любимое дело. И гостеприимный Дом не просто книги, а центр духовного общения и творческих встреч, стал без него угасать. В 2005 году его пришлось закрыть.

А спустя десять лет грозная болезнь вернулась. Сейчас Илья Эзрович мужественно борется с новым недугом. И продолжает работать.

Издан книгу "Стихи на ракушках". Почему на ракушках? Гуляя вдоль океана, когда в голову стали приходить строчки, и за неимением блокнота стал записывать их на океанских ракушках.

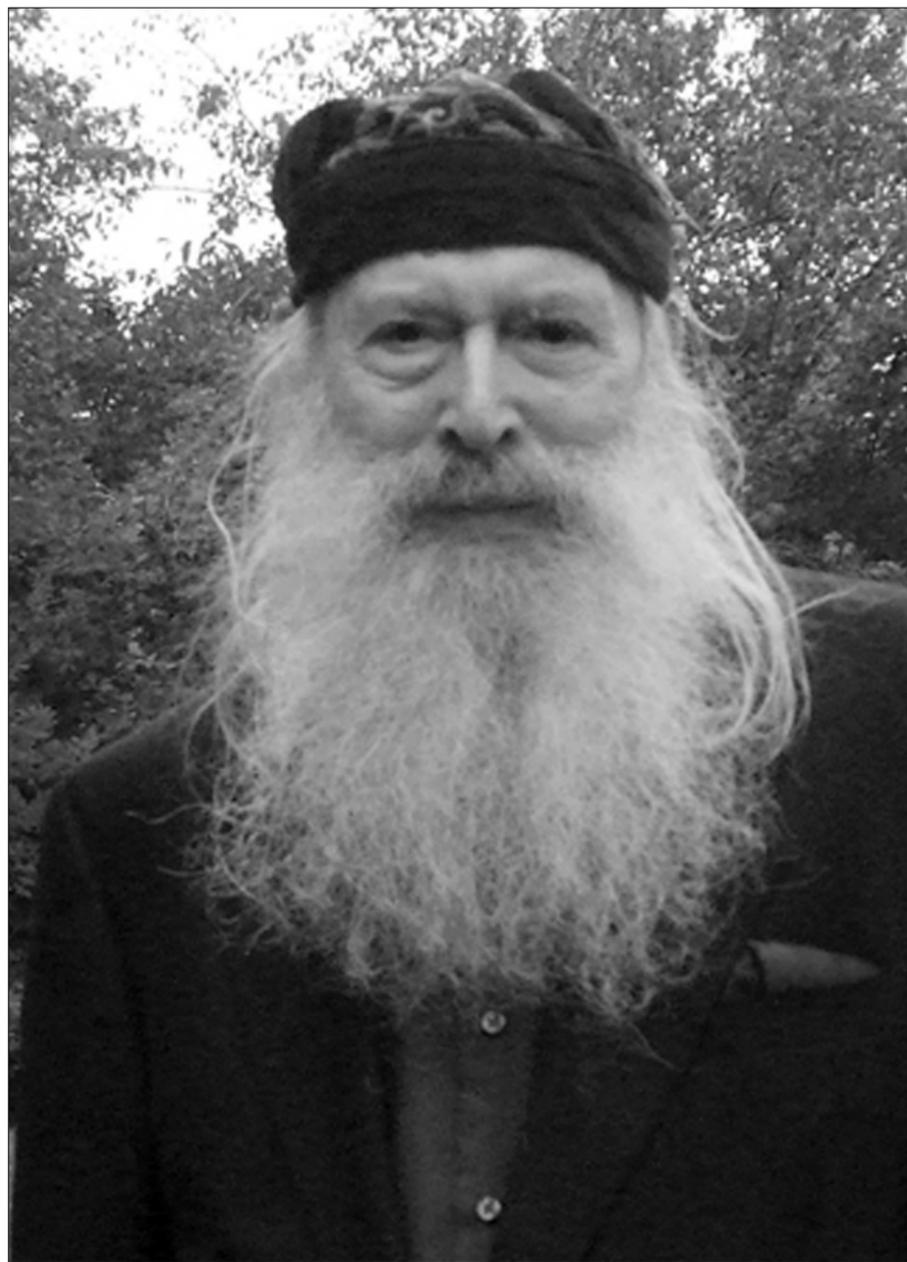
И. Рудяк:

— Я люблю играть словом. Так появились колумбуры, стиСШАта, эмиграммы. За годы работы Дома русской книги собрал целую библиотеку книг с автографами и сейчас готовлю к изданию книгу "Автографомания". Издал трехтомник стихов.

Вчера готова его книга "Чикаго" — о встречах в Чикаго и за его пределами. Закончил книгу философского свойства "Холокост, Мир, Бог", которая в ближайшее время будет издана.

Но больше, чем состояние собственного здоровья, тревожит Илья Эзровича вопрос, кому доверить свою крупнейшую библиотеку. Трое внуков не то что не читают русских книг, но с мамой-американкой почти не говорят по-русски.

В начале 2015 года бывшего владельца Дома русской книги пригласили на главную роль в небольшой художественной киноленте "Tides of Time". И он согласился, забыв на время о болячках, сыграв эмигранта из бывшего СССР, одинокого старика, который плохо вписывается в американскую жизнь и не нужен даже своему единственному сыну. Фильм был показан на юбилейном вечере к 75-летию писателя и режиссера Ильи Рудяка. Теперь в его обширной творческой биографии есть и такая страница.

ваться на достигнутом, по окончании училища он отправился за высшим образованием в Харьков — поступать в театральный институт. В театральный его не взяли: то ли пятая графа подкачала, то ли не судьба была, но в Одессу в 1963 году он все равно вернулся дипломированным режиссером, правда, выпускником института культуры.

— Я мечтал завоевать Одессу, и я ее завоевал. Хотел стать режиссером — и стал. Мне поставили при этом два условия: сбрить бороду и вступить в партию. Я же бороду не сбрил, в партию не вступил, но режиссером меня взяли, способный был. Потом захотелось делать что-то в кино. И это удалось. Когда освободилось место худрука Студии, мне снова настоятельно предлагали вступить в партию. Снова устоял, с головой окунулся в кино. Я выпустил шесть короткометражных фильмов, поставил там же много спектаклей. Мы замечательно работали.

Но проявления антисемитизма, куда денешься, были. То по указке сверху заставили переделать фильм, убрав имя — Аркаша, для чего потребовалась переозвучка всей ленты. То в картине "Земля, до востребования" о дважды Герое Советского Союза Льве Маневиче в кадре, где крупным планом был показан паспорт Героя, заставили смазать графу "национальность". Да и спектакли, которые ставил Рудяк, вышестоящие органы находили очень смелыми.

леги по киностудии, едва завидев Илью, не здороваясь, переходили на другую сторону. Чтобы как-то существовать, он устроился в Госстрах агентом. Зарплату не платили, но и на проценты можно было жить. Лишь спустя три года, в 1981 году, семья смогла эмигрировать.

И. Рудяк:

— Но я очень благодарен Одессе, которая дала мне толчок, здесь я прожил лучшие молодые годы, наполненные творчеством. И я отблагодарил ее, посвятив моему городу две книги — "Только в Одессе" и "Мы здесь и там". Они были изданы в США, а переизданы в московском издательстве "Агриус".

За океаном Илья Рудяк сначала публиковался в газете "Новое русское слово". Первый же рассказ — "Маленькая пачка чая", который он принес, был сразу опубликован, и редактор газеты, бывший литературный секретарь И. Бунина Андрей Седых велел брать все, что принесет Рудяк. Бывший одесский режиссер засел за перо, начал сотрудничать с различными изданиями. Когда рассказов накопилось изрядно, стал издавать книжки. Всего за годы эмиграции он написал 250 рассказов, издал 18 книг.

Затем пришло время лекций в университетах и колледжах. Как-то по приглашению профессора славистики Мориса Фридриха он выступил в Вашингтоне на конференции "Цензура в литературе, кино и театре", в ко-